

Одна секунда

— Любовь Ли —

Любовь Ли

Одна секунда

<https://litres.ru/74683059>

SelfPub; 2026

Аннотация

Открытая дверь еще не означает возможность войти. Как и предопределение не означает невозможность изменить судьбу.

В мире, где каждый должен играть отведенную роль, где положение в обществе определяет будущее и где люди делятся на право имеющих и рабов, есть ли место искренности, любви и мечте? В том самом мире, где властвуют богатство и нищета, найдутся ли силы, способные нарушить установленный порядок?

Ни в одной жизни они не должны были встретиться, не должны были влюбиться, не должны были стать теми, кем стали... Но одна секунда изменила все.

Содержание

Пролог:	4
ВЗМАХ	6
Часть 1 "Новое начало".	7
Глава 1:	7
Глава 2:	18
Глава 3:	35
Глава 4:	48
Глава 5:	64
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Одна секунда

Пролог:

*— Твой голос, миледи, меня покори,
А глаза — словно два изумруда.
Я вечность к ногам бы твоим положил,
Глядя на каштан в твоих кудрях.*

*Ты — королева моей души,
Моё самое дорогое богатство.
Я мир к ногам бы твоим положил,
Если б ты приняла моё счастье.*

*Твоя нежная бледноватая кожа —
Для меня самый нежный шёлк.
Одна госпожа моего сердца и ложа,
Не королевство, а ты — мой долг.*

*— Ваше Высочество, мой драгоценный король,
Вы свет желаний, последователь богов.
Только для вас счастье и боль
Я вынесу, чтобы услышать ваш зов.*

*Для вас я напишу картины,
Создам миллиарды стихов.
Только для вас рай и ад примиримы
Станут под властью моих оков.*

*Вы подарили мне счастье,
Наградили своей любовью.
И только для вас нежной страстью
Сердце моё запылает вновь.*

*— Я бесконечно люблю тебя,
Мой день без тебя — ночь.
Одна секунда — моя судьба
Ты, Любовь моя, решено.*

B3MAX

Часть 1 "Новое начало".

Глава 1:

Наступил первый летний день: за окном отчетливо слышались пение птиц и шелест листьев, колышущихся от легкого порыва ветра; долгожданные лучи солнца отогревали землю после необычайно стойкой морозной зимы. В городах устраивались первые ярмарки. В палатках, кое-где дырявых от долгого лежания в сыром месте, торговали преимущественно рыбой, мясом и специями. Женщины снимали накидки и жилеты, мужчины откладывали тулупы и плащи, оставляя только рубаху, штаны по типу ренграв, ботинки и шляпы. Дети резвились на речке, с которой веяло прохладой.

Прекрасная пора пришла и к знатым вельможам. В замке Танкарвиль, что на севере Франции, к завтраку уже отворяли настежь все окна, завешенные новыми гипюровыми тканями, пропускающими солнечные лучи в самые дальние уголки комнат. Все слуги с рассвета находились кто в кухне, готовясь к приезду очень важного гостя, кто во дворе, разбирая повозки с вновь прибывшим провиантом. Главные комнаты пустовали. Издалека слышался тихий монотонный звук. Из зала в зал быстро перемещался юноша, чье сбившееся дыхание разрезало воздух и отдавалось эхом от прохладных стен

замка. Когда он проходил мимо до блеска вымытых окон, его туфли с слегка заостренным носом отбрасывали на потолок десятки солнечных лучей. Звук его шагов, отталкиваясь от мраморных стен, увешанных портретами предыдущих правителей и работами Пьера Миньяра, Жоржа де Латура и Шарля Лебрена, стоял по всему коридору. Цокот маленьких мужских каблучков будто напрочь игнорировали все обитатели дворца, потому как слышался он отчетливо, а сам важный гость так и остался не замечен. Он почти бежал по анфиладе, попутно заглядывая в спальные комнаты в надежде найти хозяина дворца. В очередной раз никого не найдя, юноша с еще большей нетерпеливостью, совершенно не свойственной людям его сословия, направился к концу длинного коридора, в зал, где, по его мнению, и находился Виктор. И вот, в один миг, пред молодым принцем распахнулись железные двери...

Но не один он в это чудесное июньское утро спешил на встречу с дорогим его сердцу человеком.

Городок Китсонт с давних времен славился своим портом и землями; сюда хотелось приехать, но только не в качестве работника на Французскую корону, его хотелось покорить, даже несмотря на то, что походил этот город больше на огромную деревню. Китсонт часто посещали губер-

наторы, полковники и адмиралы, которым жители выплачивали налог. На окраинах этого города встречались дюжины ферм, кормящих все население, и десятки общинных хозяйств. Именно здесь родилась и выросла девушка по имени Джуанна, которую подруги ласково называли Джу.

Сегодня она торопилась в аллею, где ее уже ждали три девушки и гадали, почему та опаздывает, наверное, впервые в жизни.

— Джуанна-Анита, неужели это вы? Мы уж думали, вы сегодня не почтите нас своим присутствием, — съязвила самая старшая из ждавших ее девушек.

— Элизабет! У меня есть веская причина, — она сделала паузу, — Вы не поверите, *кто*к нам едет! До сих пор не могу поверить в это...

— Джу, не томи же. Кто это? — не терпелось подругам.

— Это сам Лисон Копкенсис. Он выступает в самом известном кабаре Парижа. Если у меня получится удивить его, я буду приглашена петь вместе с ним за Летнем бале.

— Дьявол! Да это же здорово, — восхищалась Элизабет.

— А как же твоя семья? — нечаянно вырвалось у самой меньшей по росту, неожиданно даже для самой себя. В легком испуге она прикрыла рот ладонями, а после начала судорожно извиняться, качая головой и коря себя за несдержанность.

— Луиза, не переживай, дыши глубже. Я знаю, что ты обо мне беспокоишься. Они сказали, что будут очень рады, если

я спою перед нашим королем.

— Прелестно! Не уж-то сама Джуанна-Анита Гальярдо-Руа будет выступать во дворце Французской короны?!

— Да, — гордо заявила Джуанна, — Не беспокойтесь, я приглашу вас посмотреть на лучший голос мира в тронном зале Его Высочества! — все залились девичьим, как легкий перезвон колоколов, смехом.

Подруги любили собираться вместе, тогда их проблемы уходили на второй план. Им казалось, что жизнь на самом деле прекрасна. Но это длилось ровно до тех пор, пока юницы не оставались наедине с самими собой.

— Как Винсент? — неожиданно спросила Элизабет.

— Сегодня сам смог оседлать мою клячу. Он такой смешной, такой маленький по сравнению с ней, что все равно не долго удержался в моем седле.

— Он даже не упал, как тогда? — забеспокоилась Джуанна.

— Конечно, нет! Я же была рядом, — она улыбнулась своей самой чудесной улыбкой, такой, которая всегда появлялась на ее лице, когда говорили о Винсенте.

— Мари, ты сегодня какая-то совсем молчаливая. Что тебя гложет? — поинтересовалась, на удивление, слишком разговорчивая Луиза после недолгого молчания.

— Эммм... — та нервно потрогала свое лицо, будто стряхнув что-то с щек, — Я не хотела вам об этом говорить, не хотела омрачать такой прекрасный день... Но, видимо, мои

желания не учитываются...

— Ээй! Ну ты чего? — Джу прижала ее к своей груди, поглаживая по спине, потому что знала: если Мари сказала, что все омрачает, сейчас она точно заплачет. Что и произошло, — Что случилось? Ви, ты можешь нам все рассказать.

— Моника...она...она...нашла мне мужа...

Пока в Америке лились девичьи слезы, во Франции рекой текло вино.

Когда Шон резко отворил дверь в тронный зал, Виктор метался из угла в угол, поскольку карету важного гостя обнаружили. Петли с характерным тяжелым звуком скрипнули, заставляя хозяина замка вздрогнуть, словно его ошпарили горячей водой.

Виктор Мелидже-Вальери всегда считался (и по праву) одним из самых преданных друзей Шона. До женитьбы на Дениелс Роуз, дочери герцога Танкарвильского, он даже жил в его замке. Вальери всегда выделялся из всего дворянского общества своей нетипичной для Франции внешностью и добродушной натурой. Неудивительно и то, что его жену называли Дениелс Солнечная еще до их знакомства. О ней говорили во всем королевстве, однако мало кто видел вживую. Сегодня и Шону предстояло познакомиться с ней лично.

— А вот и моя Дениелс... — воскликнул "лучезарный" граф при виде своей благоверной. Его глаза говорили больше слов: они сияли, словно глядя на миллионы бриллиантов, этот наполненный искренней любовью взгляд невозможно подделать.

В обеденном зале появилась она. С ее белого, не столько от белил, сколько от природной бледноты, лица не сходила восторженная улыбка, но она была посвящена не будущему правителю, а мужчине, что год назад украл ее сердце. На ней было довольно простое платье: ни ярких лент или перьев, ни дорогих плотных тканей, ни шнурков, ни шлейфа. Ее легкие локоны цвета янтаря мягко ложились на округлые плечи и струились вдоль уже не модного овального декольте, убранного лишь небольшой россыпью камней и украшенного ожерельем из топазов и небольшими серьгами с этими же камнями. Все платье напоминало больше одежду баронессы, нежели графини. Правда, талия так и осталась перетянута тугим корсетом, нижняя юбка нарядно отделана кружевами, а рукава еле касались локтей; в руках она держала веер. Любая дама потерялась бы на фоне даже такого простого туалета, но не Дениелс, нет, она сверкала, хотя ей и не нужно было излишнее внимание к своей персоне (а излишним она называла любое внимание).

Граф Виктор Мелидже-Вальери с графиней Дениелс Мелидже-Вальери

— Приветствую вас, Ваше Превосходительство! — графиня сделал реверанс и улыбнулась, обнажая ряд белоснежных зубов.

— Дорогая Дениелс, могу я просить вас... — сказал гость после поклона.

— Все, что угодно, Ваше Высокопреосвященство.

— Тогда просто Шон, или Кевин. Как вам больше нравится, — принц поцеловал тыльную сторону ее ладони и почти-тельно кивнул головой, — Мы ведь не совсем чужие люди. Виктор мне как семья, а значит и вы тоже.

— Как пожелаете, Шон, — она коротко хихикнула.

— Я невероятно счастлив, — в сердцах сказал Вальери, — Прошу, Любовь моя, — он придвинул даме стул, легонько касаясь пальцами женских полуобнаженных рук.

— Позвольте спросить, Шон, я слышала у вашего брата Луи появился наследник?

— Да. Все королевство ликует уже второй месяц. Назвали Адам-Габриель, — с гордостью произнес он на английский манер.

— Разве это теперь не помешает вам взойти на трон? — без стеснения спросил Виктор, подначивая приятеля.

— Я надеялся, но, к сожалению, меня коронуют за неделю до Летнего бала.

— Прошу прощения, вы сказали "к сожалению"? — поинтересовалась Дениелс.

— Да, я никогда не проявлял особенного рвения и инте-

реса к политической жизни нашего государства, но мой отец посчитал, что Луи был бы слишком жестоким правителем. Поэтому следующим королем станет ваш покорнейший слуга, — по обеденному залу прокатился хохот, легкий и естественный.

— По правде говоря, — неторопливо продолжил он, — Отец велел найти для себя достойную королеву в ближайший год. А я, знаете, — не охотник до женщин.

— А вы не знакомы с родственницей Виктора — графиней Вилкис де Сен-Жан Ришар?

— Я хотел вас познакомить сегодня после ее прогулки с Жоржеттой.

— С превеликим удовольствием! — подытожил Шон, и они подняли бокалы с вином.

Порою как несправедлив бывает мир:
Один всегда счастливым может быть,
Другой, стараясь из последних сил,
А третий лишь всю жизнь скорбит...

Иногда, да, впрочем, почти всегда чаши незримых весов не бывают наполнены ровно: кто—то, как Шон, получает все, что хочет, отчего даже сам и не знает, а чего именно ему не хватает; а есть такие, как Джуанна, готовые бороться за то, что любят и чего желают, до последнего, но, вопреки всем мечтам, суровая реальность вставляет палки в колеса. По-

этому, пока в замке Танкарвиль господа, одетые в роскошные одежды, хрустящие под тяжестью драгоценных камней, наслаждались изысканными кушаниями, винами, в Китсонте их подданные пытались справиться с проблемой удачно — неудачного брака.

— С чего вообще Моника решила тебя сосватать? — в голосе Джуанны звучали нотки ярости и искреннего непонимания.

— Она сказала, что наши дела стали совсем плохи, а самый лучший выход из положения — мое замужество... с Мэтью Хиксом, — проговорила Мари так, словно впервые слышит о нем.

— Что? Не уж-то она действительно выдаст тебя за этого прохвоста?! — вступилась Луиза.

— Я...я...не знаю, что мне делать. Отец меня не слышит: Моника словно околдовала его. Это несправедливо! Это ужасно несправедливо! — еще сильнее взывала девушка.

— Мы не допустим! — гордо проговорила всегда воинствующая Элизабет, — Но прежде нам надо встретиться с Дастэной. Она точно знает, как нам избежать этого, — девушка подмигнула, пытаясь развеселить этим Мари.

Девушки понимали, что для их подруги тема любви и ее обязательств является болезненной, но только Тэни (как они ее называли) могла помочь. Ее тетушка, Бьянка Эванс-Нельсон, не раз собирала в своем доме званые вечера для юниц и юношей благородного сословия, желая сосватать свою пле-

мянницу. Но абсолютно каждый раз они расставались еще до появления каких-либо чувств. А причина этому — вновь —таки несправедливость — трагичная история невозможной любви (и почему это до сих пор поражает нас?). Дастэна никому и никогда не рассказывала ее, скрывая истинные чувства. Подруги знали только то, что она любила и любили ее, но это был, по ее словам (или по словам Бьянки), недопустимый союз.

Подруги шли молча, хоть и думали об одном, и каждая понимала это. Они не хотели приносить боль подруге, но она была единственным выходом, единственным *правильным* выходом.

Глава 2:

В это время у Дастэны Филлипс проходили занятия в гимназии "Мон-пасоль Тремье". В наши дни ее бы назвали школой для благородных девиц. Это заведение представляло собой старую, богато украшенную цветами и статуями усадьбу эпохи Франциска 1. На первом этаже всегда проходили, как выражались некоторые учителя, самые важные уроки для юных леди, а именно: игра на фортепьяно и скрипке, пение, танцы, этикет и дефилирование. На втором — находились комнаты девушек, в которых они проводили большую часть своего дня. Некоторые предпочитали в это время прогуливаться по главной площади, встречаться с подругами или юношами. Нередко по этому поводу девушки убегали с занятий, полагая, что и так прекрасно справляются и попусту тратят свое драгоценное время.

— А разве у тебя сегодня нет занятий? — неожиданно спросила Мари, словно ее вдруг осенило.

— Я не хотела идти на основы этикета или, тем более, дефилирование, — с неким отвращением ответила Элизабет, хотя ее лицо не выражало ровным счетом никаких эмоций.

— Мадам Тюце когда-нибудь примет меры, — ухмыльнулась Анита.

— Я буду только рада.

— Я думала, вы вместе с Тэни сбегаете из "Тремье", —

непонимающе сказала Луиза.

— Бьянка узнала об этом, и теперь Дастэна вынуждена сидеть там до окончания, — глаза девушки расширились от понимания той муки, которая выпала на долю ее подруги.

Они прождали четверть часа и услышали колокола за стеной гимназии, оповещающие о том, что ученицы свободны. Все, как на подбор: румяные, в изысканных платьях, с прибранными под шляпки волосами, многие с зонтиками или тростями. Они выходили из здания. Показалась и светлая макушка чуть завитых на концах коротких волос, а после и милая девушка невысокого роста. Она выделялась из этой благородной толпы не только миниатюрным видом, но и туалетом. На фоне всех черных или черно-серых платьев, ее выглядело еще более светлым, небесно-голубым; волосы она украсила цветами. Когда Тэни поймала глазами четверых девушек, ожидавших ее, уголки пухлых алых губ поползли вверх, а вся тревога вмиг улетучилась. Подруги поняли это по тому, как ее лицо приобретало розоватый оттенок. Она хотела сорваться на бег, судя по тем неловким резким движениям, которые сопровождали ее всегда плавную и осторожную походку, но продолжила легко ступать по дорожке маленькими шагами, рассекая мягкими движениями сухой воздух, пока не достигла своей цели.

— Что вы здесь..?

— Нам нужна твоя помощь, — коротко заявила Луиза, а после Мари добавила: "Мне нужна твоя помощь".

И вновь перенесемся во всем известный замок древности, в обитель счастья, песен и смеха, как говорили все жители окрестных владений.

Взаимоотношения жителей замка всегда считались достаточно необычными, чтобы обсуждать их на каждом приеме. Дениелс и Виктора слуги называли двумя яркими звездами на черном небосводе. И правда, господа благосклонно относились к своим подданным, не позволяя себе кричать или наказывать их за провинности, что являлось совершенно новым. Никто никогда не видел, чтобы на лицах мадам и месье Вальери проскальзывала тень негодования или мрака, они всегда разговаривали ласково и с любовью, даже с людьми самых низших сословий. И в привычной добродушной манере они представили Шону девушку, показавшуюся в Обеденном зале секунду назад.

Нельзя сказать, что девушка некрасива, но никто бы не осмелился назвать ее прекрасной. Ее черные, как смоль, волосы, прибранные золотым гребнем, контрастировали с белым от пудры неидеальным лицом: тонкие губы, пухлые щеки, маленький носик с нескрываемой даже белилами темной родинкой на нем. Она вошла в темно-синем, сшитом по всем эталонам моды платье с достаточно откровенным, но не вульгарным вырезом, подчеркивающим довольно полную

грудь, обшитым кружевами и декорированным бантами по всей длине до талии, затянутой в тугой корсет на шнурках. В молоденьких ручках, прикрытых шифоновыми перчатками, покоился зонт, который она, вероятно, не использовала. Пока девушка шла по залу, цокот каблучков распространялся по залу, отталкиваясь от натертых до блеска полов. Юный принц отметил, что ее внешность довольно приятна ему, манеры изысканны, но у него и мысли не проскользнуло сказать что-то о ее красоте.

— Шон, познакомьтесь, это — дочь моего дяди, герцога Жан-Ришарского — Вероника-Каролина-Кристина Вилкис де Сен-Жан Ришар, — представил девушку граф, когда та подошла к гостю, — Вы уже встречались, но до официального представления она доросла только в этом году. Прошу, — он пропустил молодую особу к принцу, кротко склонив голову.

— Приветствую, Ваше Высочество, — она сделала реверанс и осторожно протянула правую руку вперед.

— Знакомство с вами — это честь для меня, — юноша еле ощутимо коснулся губами тыльной стороны женской ладони, — Я Шон-Кевин Вальфре, думаю, то, кто мои родители, вам известно, — он лукаво улыбнулся, а сердце Вероники пропустило удар от такого незначительного действия.

— Что ж, позвольте, мне бы хотелось узнать о вас чуточку больше, — с притворной мальчишеской робостью сказал Шон, придвинув стул Веронике и уже присев на свое место.

И Вероника коротко рассказала историю своей жизни. Пятнадцать лет назад она родилась в замке Бланди-ле-Тур. Родители ее — герцог и герцогиня Жан-Ришарские, правители тех земель — происходят из старинного дворянского рода, из поколения в поколение служившего на благо Французской короны. Они любили свою дочь и окружили ее родительской заботой; путешествовали по Европе несколько лет, поэтому девушка знала четыре языка: французский, английский, испанский и немецкий, в изучении которых ей редко, но помогали французские гувернантки и немецкие учителя. Герцогиня владела тремя инструментами и превосходно пела, а в доказательство своих слов, она обещалась следующим же днем, перед ужином продемонстрировать свои способности в Бальной.

— Вы так молоды, но ваша жизнь наполнена столь яркими событиями! — воскликнул Шон.

— Благодарю, мой господин, — почтенно склонила голову Вероника, — Я тоже восхищаюсь этим.

В оставшееся время они говорили о предстоящей коронации и предметах искусства, поскольку, как это невероятно, каждый был влюблен в творчество Шарля Лебрена.

Горячие слезы теснятся в груди,
Кричат они: "Только молчи и моли".
Горячие слезы льются на землю,
У девушек милых отбирают мечты...

— Что у вас произошло? — спросила Дастэна, увидев растерянные взгляды подруг.

— Прошу, расскажи мне, как у тебя получается избегать замужества. Я знаю, что это — болезненная тема, но моя жизнь сейчас полностью зависит от тебя, — заглянув в глаза и взяв ее за руку, молила Мари.

— Моника? — как бы в пустоту вымолвила девушка, заранее зная ответ на свой вопрос, — Я даже не знаю, чем могу помочь. Я — одно дело, а ты же — совершенно другое. И, если Бьянка всегда корила юношей, то твоя мачеха даже слушать не станет. И ты это знаешь.

— И что же мне делать? — надежда в сердце Мари потухала на глазах.

— Возможно, после того, что я сейчас скажу, мы поссоримся, но, кажется, у меня есть идея, — неловко начала Джуанна, говоря так, точно прощупывала почву под ногами на топком болоте, — Завтра в "Старс Фэмили" придет Лисон Копкенсис, как я уже и говорила. Если он выберет меня, то... мы можем уплыть вместе во Францию... если хотите, — она отвернула лицо, боясь, что это совершенно не понравится остальным, ее брови изогнулись, словно с ее уст слетело что —то невероятно глупое.

— Спасибо, — прошептала Мари, заключив подругу в объятия. Девушки так и стояли какое—то время, обнявшись и думая над этой взбалмошной идеей.

Позже они решили разойтись, подумать над предложением Джуанны и завтра встретиться в той же аллее за час до заката. Юная певица направилась в паб, где выступала для гостей из Франции, подготавливаясь к концерту всей своей жизни, в то время как остальные направились в свои любимые места, полностью отдавшись размышлениям. Девушка из раза в раз повторяла давно выученное произведение "Хлопоглазый Джо", которое звучало довольно просто, но становилось ярким благодаря голосу Джуанны, такому чувственному и притягательному. В этой музыке, в этих словах она терялась каждый раз, представляя то, как будет петь перед королевским двором. Певица думала, с чего вообще в ее голову пришла такая опасная мысль; это случилось так быстро, что она сама толком не успела разобраться в своей затее, как уже выпалила ее. Главное, что стало теперь понятно Джуанне в полной мере, так это то, что мысль эта пришла не просто так, поэтому завтра она должна блистать.

Дастэна направилась домой и по приходу сразу села играть на фортепиано. Приятный звук охлаждал ее разум и успокаивал нервы. Но чем больше она думала о Франции, тем стремительнее была мелодия, которая лилась из нежного инструмента. Девичьи пальцы ловко перелистывали страницы "Пьес для клавесина", а после быстро пробегались по черно-белым клавишам. А она все думала и думала: сначала о своих родителях, представляя то, как они выглядели раньше и как бы выглядели сейчас, потом о первой несчастной

любви, о тетушке, о своей жизни здесь и не знала, хотела ли она на самом деле уехать отсюда, смогла бы бросить все, что так любила, а после уже и задумалась, а любила ли она хоть что-то здесь. То будущее, которое представлялось ей и с которым она уже смирилась, в одну секунду переменялось с точностью до наоборот.

Луиза Фурнье в это время уже была на своей маленькой ферме, оставшейся после смерти родителя. Она надела старые отцовские штаны, как это делала всегда, когда оставалась одна и могла насладиться своим любимым делом — поездкой на любимой лошаденке Вилли. Если бы прославленные наездники увидели ее в эти минуты, то, очень вероятно, позавидовали бы самой черной завистью: настолько хорошо девушка держалась в седле. Когда Луизе удавалось найти свободное время, она полностью отдавалась этому. То, как развивались ее волосы, как ветер обдавал лицо холодными порывами, то, насколько свободной она себя чувствовала, делало ее именно той, кем она являлась с рождения. Раздумывая о плане Джуанны, ее мысли терялись, сердце разрывалось на куски: она не могла, просто не сумела бы оставить мать и девятилетнего Винсента одних, потому как боялась, что они просто не справятся с ее обязанностями; но в это же время она хотела, она жаждала убежать во Францию, надеясь хоть там заработать и выкупить, наконец, семейную ферму у губернатора. Ее окончательным решением было поговорить с родными, потому что Фурнье не могла решить их судьбу

сама.

Элизабет Джонсон захотелось посетить любимый парк и посидеть, привычно, на самой дальней скамье, глядя на заходящее солнце и небо, окрашиваемое в красно-розовые и фиолетово-зеленые оттенки. Каждый раз, когда девушка чувствовала себя растерянной, забытой или лишней (а это с каждым днем происходило все чаще), ноги сами несли ее сюда, на все ту же скамейку, у тех же деревьев, смотреть на то же небо, те же облака и, в последствии, на ту же Луну. Она представляла свою сестру, которая всегда говорила слушать сердце и идти за ним, потому что знала, какого это — упустить свой шанс на счастье. На чашах весов лежало стабильное будущее гувернантки или учителя *здесь*, в столь ненавистном "Мон-пасоль Тремье" и возможное яркое и независимое *там*. Неожиданно она дернулась оттого, что к ее ноге стала ластиться темно-серая, почти черная, кошка. Это стало знаком.

Мари Вилон, как и Элизабет, любила проживать нехорошие периоды своей жизни на улице, в одиночестве и тишине, где ее никто не тронет и не прыснет черствой реальностью в лицо. Вот только гуляла она в порту, рассматривая корабли и устремляя свой взор в даль океана. Звук волн всегда делал ее внутренние переживания яснее, чтобы она могла понять, как найти из них выход и вновь ощутить душевный покой. Вилон всю жизнь привлекала водная гладь, морские путешествия, неизведанные земли и жизнь, которую она могла об-

рести там, вдалеке, проплыв много миль, пересекая километры воды. Сердце девушки трепетало от мысли, что она, наконец, сможет стать свободной, сможет сделать выбор, но оно тут же тяжелело от нежелания оставлять отца одного (хотя и думала, что одного намного гуманнее, чем с этой сварливой и требовательной Моникой).

Стоит ли говорить, что эта ночь для пятерых девушек прошла в беспокойстве и раздумьях. Возможно, они были связаны чем—то большим, чем просто человеческая дружба, потому что с первым ударом городских часов, которые слышали все жители города, они мгновенно приняли решение, словно кто-то другой сделал выбор и по щелчку пальцев вбил его в голову каждой. Но ведь, возможно, если бы что-то большее не поспособствовало этому, вопрос так и остался бы не решен.

Джуанна твердо настроила себя на то, что любым способом доберется до Франции и выступит перед двором; никто не сможет ей помешать. И, даже если Лисон не выберет ее, то она сама приплывет, прибежит, да хоть приползет, и докажет, что лучшая. Поэтому у нее уже возник план на такой случай.

Для начала, она сказала об этом родителям. Как и ожидалось, ее отец напомнил, что может оплатить и билет до Франции, и жизнь там, на что последовал все тот же ответ: "Я это очень ценю и благодарна вам, но музыка — *моя мечта, моя цель*, и мне надо достичь ее *самой*. Мне не нужны эти

деньги. Я их не возьму".

Этой вольностью и тяге к независимости Джуанна напоминала своего деда. Он всегда боролся за свое право и счастье. Его портрет даже висит в гостиной как напоминание о силе духа всей семьи...

Дастэна попробовала поговорить с тетей, но та не стала и слушать. Тогда она спросила про родителей, мысли и разговоры о них всегда помогали.

— Тетушка, умоляю, расскажите еще, пожалуйста, о моей матери, — молила девушка каждый раз; для Бьянки эта тема являлась практически запретной.

— Дастэна, дорогая, я уже много раз говорила тебе, что они погибли, попав под колеса телеги, — даже не удостоив племянницу взглядом, она протяжно вздохнула.

— Нет, не про их смерть! Расскажите какими они были, прошу.

— Дастэна Филлипс, хватит быть таком упрямой девчонкой! Я уже говорила, что не буду тревожить память о них!

— Н-но?

— Хватит, Дастэна, пойди прочь! Я не желаю видеть тебя до завтрака! — Бьянка отвернулась и отмахнулась рукой от слов юной девушки.

— Вы несправедливы! — повысила голос юница, хотя всегда молча покидала родственницу, глотая соленые слезы, — И в прошлый раз вы сказали, что они попали под лошадиные копыта, а полгода назад — что упали со скал и разбились в

повозке!.. Покойной ночи, тетя, — добавила Тэни более спокойно. Именно это и стало последней каплей: Дэстена больше не хотела испытывать боль...

Луизе тоже предстоял нелегкий разговор с родными. После смерти отца, мать захворала, и все обязанности по содержанию скота легли на хрупкие плечи двенадцатилетней девушки. Постепенно ее младший брат научился чему-то, но все равно не смог бы нести это бремя в одиночку. Винсент был и навсегда останется главным мужчиной в ее жизни, поэтому о предложении Джуанны она рассказала ему наравне с матерью, упоминая и про его обязанности, и про свои возможные неудачи.

— Ты должна плыть с ними, — сказала Стефани, в глазах которой загорелась надежда, огонек, потухший, казалось, безвозвратно еще три года назад.

— Да! Я правда справлюсь! Ты же учила меня, — с детским восторгом поддержал Винсент, хлопая в ладоши.

— П-правда? Вы уверены, что сможете здесь без меня? Я могу отказаться в любой момент.

— Лизи, ты просто обязана это сделать, — младший брат взял Фурнье за руку и радостно улыбнулся, — Ради меня...

— Как же я люблю вас, — слезы счастья покатались по девичьим щекам, а Луиза крепко обняла свою семью, осознавая, что справится со всем, если в нее будут верить они...

Тетя Элизабет имела непростой характер, казалась странной людям своего статуса. Она давно овдовела, а детей иметь

не могла; единственной страстью ее стали кошки. К этому и Бет имела склонность, поэтому они с легкостью нашли общий язык.

— Здравствуйте, тет...Элеонора, — осеклась Джонсон; она вовремя вспомнила, что тетушка не любила, когда ее так называли.

— Здравствуй, радость моя! — смуглое лицо, уже покрытое маленькими морщинками, озарила приветливая улыбка, — Ты так неожиданно нагрянула. Тебе что-то нужно?

— Совет...

— Спрашивай.

— Мою подругу насильно выдают замуж...

— Так.

— А другая моя подруга предложила уплыть... во Францию... и... я не знаю, что мне делать. Я совсем запуталась.

— А что говорит твое сердце? Помнишь, я велела всегда слушать его.

— Я понимаю, но не могу же бросить мать, отца, Амелию...

— Амелия...Ты хочешь прожить так же, как она? Так же выйти замуж не по любви, а по приказу... моего брата? Так же стать учительницей фортепиано? Ты правда хочешь упустить свой шанс? — она взяла на руки белую кошку и кивнула на дверь, — Если да, то можешь смело выйти вон. — Элеонора вскинула бровь и бросила на Элизабет сверлящий взгляд.

— Ирина, нам чаю, — объявила служанке девушка с свойственной только ей одной несокрушимой силой и твердостью в голосе...

Одна Мари не хотела в этот вечер ни с кем разговаривать. Она молча жевала овощи, приготовленные Моникой и явно недопекшиеся сухари. Где-то в глубине души девушка все еще надеялась на перемену, на невероятный исход событий, при котором не будет ни свадьбы, ни побега через океан, ни слез, ни боли. Но случилось то, чего Мари боялась больше всего.

— Сегодня к нам на обед заглянул Мэтью, — начала неприятный для Вилон разговор ее мачеха, — Он принес тебе кое-что, и я сказала, что это как раз кстати, ведь ты уже приняла его предложение, — пока Моника кривила губы, видимо в попытках то ли улыбнуться, то ли ухмыльнуться, Мари проедала ее ненавистным взглядом, борясь с желанием ударить.

— Что это? — удивился хозяин дома так, будто был не в курсе и самой женитьбы.

— Золотце, принеси его отцу. Только не порви, а то придется шить самой.

Когда Мари зашла в свою комнату, она ужаснулась, а из глаз рекой потекли горькие слезы, очерчивая контур припухших от продолжительного кусания губ, сложенных в обессиленную ухмылку проигравшей. Перед ней, на кровати лежало подвенечное платье. Подняв его тяжелыми, точно свин-

цовыми, руками, девушка понесла его к столу, за которым сидели ее ангел и дьявол.

— Оно просто прелестно! — изумился Исак, — Милая? Ты плачешь? — он хотел встать, но Моника остановила его:

— Это от радости, ведь так?

— Почему ты молчишь? Все в порядке? Тебе не хорошо?

— Женская натура, дорогой. Правильно, дите мое? — Моника взяла у своей падчерицы платье, беспокоясь за его сохранность.

— Вы никогда не станете моей матерью, — прохрипела Мари, а после выбежала из дома под ошарашенный взгляд отца.

Недалеко от ее дома находилась отцовская кузница, а за ней через все поле, почти в лесу — могила Ванессы Вилон. Одинокая могильная плита бросала на лицо несчастной девушки еле уловимый лунный свет, отражающийся от гладкой поверхности камня. Цветы, которые Мари принесла в прошлый раз еще не успели завянуть. Она упала на колени перед местом захоронения и стала молиться; но молилась ни за себя, ни за отца, а за упокой девушки, благодаря которой появилась на свет. Потом она подняла заплаканные глаза и начала говорить все, что накопилось в душе: "Мне тебя не хватает. Я не могу... Ты просила меня никогда не плакать; я обещала, обещала, что сдержу слово... прости... — она прижала свои руки к груди, — Семь лет я держалась, верила, что все станет лучше... семь лет... Ты сказала, что я найду свое

счастье, если буду верить в любовь... но, если ты ошиблась, если ее не существует, по крайней мере для меня... — Вилон поднялась с колен, лишь когда солнце скрылось за горизонтом, и уже хотела идти домой, но остановилась и напоследок сказала: "Люблю тебя... всегда...".

Когда Мари возвращалась домой, кузница была, на удивление, открыта, поэтому она решила заглянуть туда. Раньше юница не позволяла себе этого, ведь отец, в основном, работал на улице, и входить сюда не находилось причин. Ее внимание привлек медальон Исака, лежавший в пыли на столе. Девушка уже и не помнила, сколько времени прошло с тех пор, как он надевал его в последний раз. Пальцы огладили узор на металлической крышке, а после ловко открыли ее. Внутри все так же находились рисунки Ванессы и Мари, сделанные главой их, некогда счастливой, семьи еще четырнадцать лет назад.

"Спасибо, мама, теперь я знаю, что мне надо делать..." — прошептала Вилон, в сердце которой зародилась вера в свет и в то, что *она* слышит, она рядом, любит и поможет...

Следующий день должен был решить судьбу каждого: сбегут ли подруги, оставляя семьи и испытывая судьбу и себя на прочность; впечатлит ли Джуанна Лисона Копкенсиса; пойдет ли против Бьянки Дастэна; сможет ли Луиза покинуть Винсента, и сможет ли он стать окончательно взрослым; отвергнет ли Элизабет то будущее, которое предлагает ей семья; избежит ли Мари венчания и поверит ли вновь в лю-

бовь; и, конечно, получится ли у Вероники впечатлить юного принца и пробудить в сердце Шона влечение к герцогине, желание сделать ее своей королевой..?

Глава 3:

Новый день для обитателей Танкарвиля начался довольно поздно. Шон и Вероника не желали выходить из своих покоев до полудня. Но, возможно, именно из—за мыслей о юном принце герцогиня Жан-Ришарская и не покидала спален. В это время Дениелс и Виктор уже с рассвета отдавали различные распоряжения. Главная улица деревушки, принадлежавшей им, подготавливалась к танцам, которые устраивали господа каждые сорок пять-шестьдесят дней. Такие вечера уже перешли в традиционные. Бальный зал тоже украшали к празднованию: мажордом руководил горничными, которые бегали из зала в зал с посудой, приборами или лентами; на кухне кипела работа, были наняты все лучшие повара округа. При этом на лицах всех подданных сияли улыбки; месье Вальери гордо прогуливался по помещениям замка и радовался оживленной работе, предвещающей великолепное празднество. В этот раз Дениелс попросила мужа оставить ворота замка закрытыми и провести вечер только вчетвером: она, Виктор, Шон и Вероника.

За обедом Вальфре и Вальери удалились в покои последнего, а дамы отпустили всех слуг и, оставшись наедине, говорили о Кевине.

— Вероника, солнце, я вижу наш гость тебе очень понравился? — спросила графиня.

— Да, я была бы не против прогуляться с ним по вашему саду с Жоржеттой. Он довольно интересный молодой человек.

— Ты же поняла, о чем я говорила, — лукаво сказала мадам Вальери, пока щеки Вероники становились пунцовыми.

— Еще рано говорить о чувствах, но милорд — самый приятный мужчина, с которым мне доводилось знакомиться, — она сжимала в руке подол платья, шурша тканью, и не решалась посмотреть собеседнице в глаза.

— Милая, я не знаю девушку более достойную места рядом с Его Высочеством, чем ты. Дайте время распуститься цветам вашей любви. Все будет, — Дениелс поцеловала ее в лоб и улыбнулась так, будто знала о чем—то, но не говорила о чем.

Любопытным является и то, что в господских покоях два друга говорили о герцогине Жан-Ришарской.

— Шон, я же говорил, что она понравится тебе.

— Но я не сказал этого.

— А не ты ли вчера с упоением слушал ее рассказы и даже одаривал совсем не равнодушным взглядом?

— Виктор, признаюсь, Вероника хороша собой, весьма начитана, ее отец — очень уважаемый человек; она эталон грации и чести. Но, по правде говоря, я не вижу герцогиню своей королевой.

— А кого же видишь?

— Я не знаю, но уверен, что мы встретимся совсем скоро,

— мечтательно взглянул Шон в приотворенное окно.

— Скоро — это в ближайший год? — усмехнулся Виктор.

— Я очень надеюсь, — уголки его губ мгновенно подпрыгнули вверх, а секундная улыбка озарила лицо, которое после вновь сделалось совершенно серьезным.

Через несколько часов после того, как Вероника совершила прогулку со служанкой, слуги накрыли стол в обеденном зале, а принц с "солнечным" графом покинули покои, разрешив все вопросы, касающиеся коронации и Летнего бала Господ, они все удобно устроились в Бальном зале, чтобы послушать игру герцогини.

Ее одежда представляла собой эталон элегантности и изыска. Только на этот раз ее волосы не были прибраны, а только локонами спадали на плечи и кружевной вырез лифа. На лицо она нанесла гораздо меньше белил, чем при первой встрече с принцем; руки оголила до локтей. Неизменными остались темно—синий оттенок платья, серебряные туфли и всего одно украшение в виде тонкого серебристого браслета на правой руке.

Она не солгала, когда сказала, что ее игра невероятна и очаровывает каждого. Фортепиано и скрипка как будто подчинялись ей; нежное звучание инструментов дополняло пение герцогини. Вероника исполняла свою любимую арию "Ночная звезда", которую, как оказалось, написала сама еще в двенадцатилетнем возрасте. На это ее вдохновила любимая детская сказка, которую в детстве ей рассказывала ма-

дам Гюзе — ее нянюшка. Эта сказка появилась, когда мадам была еще совсем юна, поэтому она неустанно повторяла ее, пока маленькая герцогиня засыпала. Теперь ария — это все, что осталось от всегда радостной и любящей старушки, которую Жан-Ришары принимали больше, чем за простую прислугу.

— Свет мой, позволь пригласить тебя на танец? — сказал Виктор уже на середине произведения, на что Дениелс сама потянула его за рукав в центр зала.

Шон не знал, что поразило его больше: то, как Вальери кружились по Бальной (граф ловко и легко подхватывал супругу и точно переплывал по залу с ней, а она, шурша платьем, негромко смеялась, пребывая в почти детском восторге), то, как чувственно герцогиня исполняла собственное произведение, а в самое сердце попадал ее чарующий голос или то, как он чуть слышно дрожал, видимо, из-за воспоминаний о нянюшке; но что-то упорно заставляло все его сознание настойчиво размышлять о Веронике, Викторе и Дениелс, не позволяя расслабиться в полной мере.

— Bravo! Мадмуазель, вы просто великолепны! — встал, аплодируя, Шон, когда музыка перестала играть, Вальери танцевать, а пение стихло, — Вы не перестаете меня удивлять. Это лучшее из того, что я когда-либо слышал!

— Благодарю вас, Ваше Высочество, — она почтительно поклонилась, пытаясь скрыть волосами порозовевшие щеки и шею.

За ужином дамы говорили лишь о вступлении Шона на трон, расспрашивали о том, как это будет проходить, во сколько, в Тронном ли зале, когда будет дозволено прибыть во дворец гостям. Единственное, что Вальфре отвечал на это: "Как прибудете, все сразу поймете сами, а когда придете — решать вам, а не мне".

Дружескую, почти семейную обстановку прервала служанка Вероники:

— Госпожа, — она поклонилась, — вам письмо от вашего отца.

— Потом...

— Но велено срочно передать вам в руки. Это что-то важное, — беспокоилась девушка.

— Жоржетта... будь любезна, отнеси его в мои покои, — процедила герцогиня.

— Но, Госпожа...

— Жоржетта! Пойди прочь! — прикрикнула герцогиня, глаза которой так и пылали яростью.

— Да, Госпожа...

После того, как служанка убежала, за столом возникла неловкая пауза. Если для Вальери такое поведение Вероники было уже привычным, то Шон не на шутку удивился, ведь полагал, что она так же, как и ее родственники, мягка и терпима к своим подданным.

— Прошу прощения... — тихо отозвалась юница. Все понимали, что вечер безнадежно испорчен, но никто не решал-

ся уйти. Вальфре что-то редко спрашивал у хозяина замка, так и не удостоив его родственницу взглядом.

Уже после заката они разбредались по спальным комнатам, каждый думая о своем: Дениелс о счастье герцогини, Виктор — о том, что преподнесет своему другу после коронации, Вероника — о короле и том, что, возможно, после сегодняшнего вечера может и не мечтать когда-либо стать его женой, а Шон представлял свою, еще не знакомую с ним, королеву.

С первыми лучами солнца будущий король покинул замок и направился в Париж...

Возможно ль такое, чтоб в мире одном,
Где два человека любят друг друга,
Но до законной их встречи судьбой,
Им невозможности выпала мука?

В то время, когда обитатели Танкарвиля уже заснули, в Америке пять девушек завели тяжелую для каждой тему.

— Я не знаю, что нам делать... — совсем тихо начала Джуанна после затянувшегося молчания, — Лисон не выбрал меня... Да еще и сказал, что надеялся на большее от "лучшей кабаре исполнительницы колониальных земель Франции", — она ловко передразнивала его.

— Не может быть! Ты, верно, шутишь? — возмутилась Мари.

— Или он глупец и глухой до чертиков, — закончила фразу Элизабет.

— Я буду полностью уверена в его словах, только когда сам король скажет мне это.

— Верно! — в унисон воскликнули остальные.

— Но... что нам теперь делать? — решилась задать роковой вопрос Анита, — Я все равно хочу уплыть туда, хочу спеть там.

— Тогда я с тобой, — отозвалась Дастэна, — Меня здесь больше ничего не держит.

— И я. Мне нужно попробовать... ради мамы и Винсента.

— А я не желаю быть как Амелия.

— Последнее слово за тобой, Мари. Без тебя мы не сделаем этого... — сказала Луиза, заглянув той в глаза, на что слышала ответ:

— Да простит меня отец... Я с вами!

— Бывают тучи... — сказала самая высокая девушка то, что говорила всегда, не зная, как ответить еще.

— Не сегодня, Джу, — покачала головой Вилон и улыбнулась.

Девушки договорились разделить обязанности и через день снова встретиться у Дастэны, пока Бьянка будет навещать Тернеров. Элизабет должна была узнать, когда в ближайшее время из Китсонга отплывает корабль во Францию, что это за корабль и через сколько они приплывут, Луиза — позаботиться о провианте, Дастэна с Джуанной — об одеж-

де и деньгах, а Мари поговорить с отцом и отсрочить дату своей женитьбы.

Именно этим они и занялись на следующий же день с первыми лучами солнца.

Элизабет попросила отцовские бумаги и стала разбираться в том, что в них было написано. Это оказалось, к большому сожалению девушки, долго, а в последствии — бесполезно: нужный корабль отплыл два дня назад, а ближайшего следует ждать еще три недели, которых у них точно не было. Тогда у нее появился другой вариант выйти из сложившейся ситуации. Она взяла несколько бумаг, чтобы переписать имена матросов на Джека, Дэвида, Лукаса, Эдриана и Мартина и перечертить то, что ей нужно, а после отправилась в дом Дастэны, ведь уже поджимало время.

Джуанна встретила с Филлипс еще днем на ярмарке. Они присматривали одежду, но, сколько бы девушки не ходили, все, что попадалось на глаза, совершенно не подходило к той жизни, которая ожидала их в эти месяцы. После Ани-та предложила пойти к подруге, понимая, что сегодня найти ничего не удастся. И уже в доме Тэни они решили пересчитать деньги, которые удалось достать.

Луиза весь день занималась поиском продуктов, которые могла увезти без лишения мамы, брата и всего города чего-то необходимого. Винсент все это время заменял сестру на ферме, раскладывая мешки, подкармливая и выгуливая животных. Лизи давно начала приучать его к такой жизни, что-

бы в какой-то момент Винсент помог ей или перенял бразды правления, потому что Фурнье никогда не отличалась хорошим здоровьем и боялась, что скоро не сможет вести хозяйство вообще. После своих подсчетов девушка освободила брата, сделала еще пару дел и со спокойной душой направилась к Филлипс.

Мари нервничала из-за предстоящего разговора с отцом, часто что-то роняла или сталкивала, за что Моника совсем не любезно высказывалась в ее сторону. Когда же мачеха решила, наконец, оставить их наедине, отправившись к матери Хикса, Ви заговорила.

— Отец, ты мне нужен, — сказала Вилон, подходя к кузнице, — Прямо сейчас.

— Да... Что-то не так?

— Я не хочу выходить замуж. Только не за Мэтью. Прошу, ты же можешь остановить это.

— Мари, ты же сама приняла его предложение, — недоумевал Исак.

— Нет! Это Моника! Это она все сделала! — в уголках глаз девушки стали скапливаться слезы, — Это несправедливо! Я не хочу этого... пожалуйста...

— Милая, ну вы же все решили. Как ты сейчас откажешься?

— А... а если я сбегу?

— Что? Мари, что за глупости? Куда ты сбежишь?

— Отец, ты действительно хочешь, чтобы я всю жизнь бы-

ла несчастна?!

— Почему ты так думаешь? Мэтью — очень хороший парень, он обязательно тебе понравится, когда вы узнаете друг друга.

— А если не понравится?

— А если понравится? — настаивал отец.

— А если нет? — на последнем дыхании выпалила Ви, и из ее глаз полились слезы, — Ты женился на маме почему? Потому что она *могла* тебе понравиться или потому, что ты *любил* ее?

— Конечно, я любил Ванессу, — тяжело выдохнул Исак и взглянул на дочь, наконец отложив железо в сторону.

— Помнишь, что она говорила всегда?

— Верить в любовь и идти за мечтой...

— И ты считаешь, что она была неправа?

— Но, Мари...

— Отец, прошу...

— Ты правда этого хочешь?

— Больше всего на свете.

— Тогда ты должна следовать на своей мечтой... — он улыбнулся сквозь слезы и несколько раз кивнул, как бы в подтверждение своих слов, — Куда ты отправишься?

— Во Францию. Я чувствую, что мое место там. Обещаю, я буду аккуратна, тем более Джу, Тэни, Лиз и Бет будут со мной.

— И когда же вы уплываете?

— Не знаю. Мы должны решить это сегодня. Я обязательно скажу тебе, когда вернусь... — Мари уже хотела уйти, как вдруг остановилась и сказала: "Спасибо", а после покинула Исака.

Первой к Джу и Тэни присоединилась Бет, потом почти сразу пришли Лиз и Мари.

— Во-первых, — резко начала Джонсон, — у нас не получится уплыть законно. Ну, или только через три недели.

— Просто прелестно, — недобро отозвалась Мари.

— Но... у меня появился другой план. Мы можем прокрасться на корабль "Святой Жозефины", который прибудет через три дня в наш порт на рассвете и отойдет на закате, — быстро и без запинки, как командир, выпалила она и достала из кармана листы, исписанные ее же рукой, — Это французский торговый корабль, идущий до порта Онфлер. Он — наша последняя возможность покинуть Китсонт до замужества Мари и до того, как мы передумаем.

— Погоди, а во-вторых? — заметила Вилон.

— А вот и проблема. Дело в том, что капитан "Святой Жозефины" — Уильям Смит, которого еще называют Блэк, — самый неподкупный и строгий адмирал. Поэтому нам придется притвориться матросами, девочки.

— О нет, — накрыла руками лицо Луиза.

— Вы готовы пойти на это? Жизнь матроса — не сказка, а на этот корабль не ступала нога ни одной женщины, даже королевы.

— Значит, мужская одежда?! — понимающе кивнула Дастэна.

— Да. И, Анита, твои волосы... их придется срезать...

— Нет—нет—нет! Ты же несерьезно?! Только не мои волосы, пожалуйста.

— Тогда они сразу же выпадут из платка. Нам ведь надо скрыть наш пол.

— Три дня? Хорошо... — сказала Джу спустя пару минут молчания, — Ради своей мечты я могу отдать их. Мари, сделай ты это.

— Ты уверена?

— Да, ты сделаешь все ровно, аккуратно, а главное — быстро.

— Хорошо, Джуанна...

— Так, а что с едой? — спросила Филлипс.

— Я могу взять только двухнедельный запас на пятерых.

— Отлично: неделя — в море, неделя — на суше. Я думаю, за это время мы придумаем, где достать еще, — голосом лидера подытожила Элизабет, — У нас есть чуть больше двух суток на подготовку к, возможно, главному событию нашей жизни. Потратьте это время не впустую. Встретимся через три дня в полдень возле городских часов.

— Угу, — одновременно в ответ ей кивнули четыре девушки.

Они еще посидели некоторое время, обсуждая детали их дерзкого плана, и разошлись по домам с непреодолимым

рвением сделать что—то желаемое, что—то такое, чтобы каждая могла уплыть с чистой совестью и окрыленным сердцем, не ощущая на своих плечах тяжелое бремя...

Глава 4:

В следующие два дня девушки не виделись; они полностью посвятили свое время тому, на что не могли решиться никогда: Джуанна сделала себе выходной от занятий, а после исполняла в "Старс Фэмили" произведения, которые хотела, а не которые заказывали "очень важные гости"; Дастэна перестала посещать "Мон—пасоль Тремье", осмелилась дерзить Бьянке и прочла письма возлюбленного, которые оставались нетронутыми уже около года; Луиза утром приходила к могиле своего отца, днем помогала Винсенту освоиться на ферме, а вечером готовила ужин с мамой, которая, наконец, ожила в полной мере, она всецело отдалась этим моментам, не задумываясь о том, что было или будет; Элизабет занималась изучением корабля Смита, маршрута, по которому они будут добираться до Парижа, и продумывала план на случай непредвиденных обстоятельств; Мари делала вид, что смирилась со своей женитьбой, ведь Исак так и не смог что-либо сделать, и уже не отвечала Монике вообще, а все свое время проводила в отцовской кузнице, разговаривая с ним и запоминая черты его лица.

Пятого июня, на рассвете, девушки решили полностью отдаться этому дню, размышляя о родном городе, семьях и жизни здесь. Никто и представить не мог, насколько тяжело будет прощаться с тем, что когда-то наполняло все их су-

щество. Сердце с каждой секундой то замирало, словно это были его последние удары, то заходило в бешеном темпе, точно они бежали уже несколько километров без отдыха, а осталась еще половина.

Обычно, мы можем предположить, какова будет наша реакция, что мы будем чувствовать и делать в той или иной ситуации, пока, оказавшись в ней, абсолютно не разубедимся в собственной готовности хотя бы принять возможность этой ситуации. Ни один человек, каким бы исключительным он ни был, никогда заранее не узнает что-то наверняка. В этом есть и своя магия неизвестного, шарм грядущего; но как тогда понять, что есть хорошо, а что плохо для того, кем я являюсь и кем должен являться? Невозможно поверить в то, что вся наша жизнь предопределена и зависит от чего-то большего, чем все люди в целом, так она станет бессмысленной; но, если допустить, что она на миллион процентов из трех подвластна нам, то все равно пройдет впустую из-за боязни потерпеть неудачу и уже абсурдной осторожности, доведенной до сумасшествия. Есть еще третья теория, согласно которой в жизни всегда будут моменты, неконтролируемые нами, а весь оставшийся путь зависит строго от наших мыслей, действий, желаний и чувств. Но и эта версия не может быть по нраву: кто знает, какие из ситуаций подвластны нам? Решения, решения, решения, они просто заполоняют нашу голову, спутывая мысли в тугий узел, распутать который удастся не всем и не всегда.

Мы теряем драгоценные минуты, рассуждая о том, как бы не упустить их; знаем, чего хотим, но не делаем этого, попусту предполагая, что может случиться, "если вдруг...". На самом деле, это довольно глупо, с какой-то стороны даже смешно, но никто не проживает эту жизнь хорошо: либо "недо-", либо "пере-". Ты можешь все сто лет потратить на здоровое питание, спорт, прилежную учебу, так и не поняв, что нужны были только друзья и родные, которых уже не вернуть; можешь делать совершенно все, что пожелаешь, но после понять, что ты не жил, а существовал; а можешь стараться для всех (включая себя), но, скорее всего, рано или поздно, потеряешь последнюю крупицу смысла своих стараний. И зачем мы тогда воюем? Зачем постоянно бежим куда-то, ставим жалкие цифры превыше всего, отказываемся от кого-то или чего-то ради другого? По правде говоря, этот ответ невероятно прост, как жаль только, что находим мы его, обычно, в самом конце, когда смысла в этом уже нет. Тогда остается лишь искать его. Методом проб и ошибок или, может, говоря всему "да"; хотя ответ, вполне вероятно, всегда будет сокрыт на самой поверхности.

И как тогда понять, было ли предложение Аниты чем-то само собой разумеющимся или это именно то, что всецело зависело от нее, когда даже нельзя ответить зачем это? или почему Луиза, Дастэна, Мари и Элизабет внезапно согласились, после многих лет ожидания чего-то? Может быть, Мэтью и был этим "чем-то", а, может, это всего лишь еще

одна история, в которой главные герои совершают необдуманные поступки, потом жалея и пытаясь исправить их или, наконец, обретая свое счастье и благодаря за это... Вероятно, что-то подобное уже случилось или случится позже, осталось только не упустить этот шанс, ведь он может быть последним; а эту секунду потом уже никогда не вернуть...

Для Джу, Тэни и Ви, которые хотели, чтобы время ускори-лось, оно текло медленно, как будто надсмехаясь, а для Лиз и Бет, желавших продлить этот последний день, он усколь-зал, словно песок сквозь пальцы. Но, так или иначе, ровно в полдень пять девушек стояли под часами на главной город-ской площади.

— Все готовы? — неуверенно спросила Джуанна, получив в ответ легкие кивки девушек.

В запасе у подруг было еще девять часов. И за это время произошло слишком многое. Для начала стоит сказать о том, как долго пришлось уговаривать Джуанну-Аниту состричь волосы. Да, они всегда представляли для нее ценность, но никто не предполагал, что на столько большую. Но Мари все же сделала это прямо возле леса, в котором им и предстояло провести этот день. Когда—то длинные, достигающие бедер, густые волосы цвета шоколада, теперь едва касались хруп-ких плеч. А потом она плакала, так по-детски, но так жалоб-но, что Вилон уже пожалела о случившемся. Было странным впервые увидеть ее слезы, тем более из-за такой, казалось бы, мелочи.

Потом девушки решили надеть штаны и мужские рубахи — одежду, которую теперь они должны носить ближайшие семь дней и семь ночей, и повязали на голову матросские банданы, чтобы привыкнуть к новой одежде, а свои платья бросили здесь же, у коряги, на которой сидели все это время. Привычнее всех, конечно же, было Луизе. А Элизабет, перечитавшая много книг о морских и военных делах и правилах, объясняла, как они должны себя вести. Через два часа это стало получаться у всех. Не то, чтобы сами матросы казались бы ненастоящими на их фоне, но теперь, если подружки будут предельно осторожны, то у них хотя бы будет шанс добраться до Франции. Если бы кто-то сказал, что им предстоит заниматься подобным, девушки не то, что не поверили бы, а приняли бы этого человека за сумасшедшего.

В оставшееся время Джу, Бет и Тэни распределяли деньги и еду по сумкам, чтобы у каждой была ровно своя доля — ни больше, ни меньше; а Лиз и Ви разговаривали о Винсенте. Младшая все еще переживала, что ее брат может не справиться, но Вилон вовремя смогла успокоить и вразумить Фурнье.

Также они все подумали слегка обмазать лицо сажей, чтобы еще больше походить на парней из команды Смита. Аните пришлось подложить ткань под рубашку в области плеч и рук, потому что, в противном случае, ее пышные бедра и грудь слишком выделялись бы на фоне худых частей тела. Дастэне сделали тоже самое, но только в области живота, по-

тому как ее природа наградила немалым размером груди.

Время близилось к закату. Девушки пришли в порт и спрятались за одним из пабов.

— Смотрите, это наш корабль, — сказала Джонсон, указывая вперед, — Нам надо как-то туда попасть.

— А если... — не закончила Луиза, бросив взгляд на матросов, закатывающих бочки на "Святую Жозефину".

— Тогда по очереди. Надеюсь, те, которых нам удалось отвлечь, не захотят вернуться рано, — подметила Мари.

— То же мне, "отвлечь"! Только деньги зря потратили.

— Дастэна, успокойся. Зато теперь они вернутся не скоро.

— Хорошо. Они катят бочки по двое. Нам надо решить, кто с кем. И скорее, иначе будет поздно, — поторопила подруг Джонсон.

— Я с Ви, — сказала Джу.

— Тогда, Элизабет, ты с Дастэной.

— Договорились. Запомните: говорить только по делу, ходить максимум по трое, с капитаном не пересекаться и следить за движениями и внешним видом; будет плохо, если нас раскроют на середине пути, — заключила Бет.

— Удачи нам всем! — быстро протараторила Мари и пошла прямо к амбару, из которого выкатывали бочки. Джуанна не ожидала такого, поэтому резко подскочила и направилась за подругой. Все остальные сидели, затаив дыхание, пока груза становилось все меньше.

— Теперь вы! Вперед! — Филлипс и Джонсон подошли к

одной из бочек и покатали ее к трапу, когда Ви и Джу уже стояли на палубе.

— А теперь и я, — прошептала Лиз и устремила к последнему грузу, который, на удивление, оказался не таким тяжелым, каким его представляла Фурнье.

И вот, в момент, подруги очутились на корабле. Их взгляды пересеклись; и эта секунда ознаменовала начало их новой жизни...

Запах моря и вкус свободы,
Небо, тучи, горы и поля,
Заходы солнца и восходы,
Вода, воздух, огонь и земля...

Пока юные девушки предвкушали свою новую жизнь, в Париж вернулся Шон со своей свитой. Венсенский замок выглядел довольно новым, по сравнению, например, с Танкарвилем, и был построен в честь предка Кевина — Франсуа 1 Вальфре. Во дворе его уже ждали слуги, включая Джозефа Ли — главного мажордома. Его одежда, как и всегда, была довольна строга и официальна: черная ливрея с золотыми эполетами и белоснежным аксельбантом и длинная трость в руке. Так Джозеф был больше похож на важную персону, нежели на ее прислугу. Но в этом и состояло его отличие от остальных: он всегда был предельно аккуратен и несколько дотошен в своем деле, что не могло не вызывать уважения

к столь трудолюбивому и почтенному мужчине. На вид мажордом не был старше принца более, чем на пять лет, но на самом деле возраст Ли недавно пересек отметку в тридцать три.

— Ваше Святейшество, — поклонился дворецкий, когда Вальфре вышел из кареты, — Позвольте проводить вас к королю. Он уже ожидает в Тронном зале.

— Здравствуй, Джозеф, как я рад видеть тебя.

— И я, Ваше Превосходительство. Пройдемте?

— Конечно, — сказал Шон, и они удалились, напоследок убедившись, что вещи будут доставлены прямо в покои принца тотчас же.

Анфилада, по которой они двигались была очень похожей на ту, пробегая по которой, Кевин искал Виктора четыре дня назад. Огромный коридор шириной в метров шесть был устлан тяжелыми коврами красного цвета с вышитым гербом династии Вальфре: золотой кубок, льющееся из него по серебряному мечу вино алого цвета, все на небесно-голубом фоне. На стенах висели картины, фрески и гобелены, преимущественно с изображениями правителей и королевских семей: здесь и изображение Луи-Габриеля Вальфре, брата Шона, с женой Арно-Леей Моро; их отец с матерью — Адам Вальфре и Маэлис Андре-Блан; и более юный Шон-Кевин Вальфре, но один, потому как, на всеобщее удивление, в свои девятнадцать лет он все еще одинок. Возле каждой массивной двери находился столик из красного дерева,

на котором стояли белые вазы с цветами, золотые колокольчики и небольшие часы, проходя мимо которых принц бросал взгляд на стрелки, судорожно поправлял рукава рубашки и оттряхивал костюм, будто на нем что-то было.

— Все в порядке, Ваше Высочество?

— Да, Джозеф... Долго меня ожидают?

— С утра, милорд.

— Гм, — хмыкнул Шон, слегка склонив голову вправо, и задумчиво взглянул на портрет Луи, висевший рядом.

Когда они, наконец, приблизились к Тронному залу, принц глубоко вдохнул, постучал пальцами по бедру и сделал резкий шаг вперед; Ли отворил дверь. Вальфре оказался в до боли знакомом зале; он прекрасно помнил, что справа всегда стояли доспехи, а вдоль левой стены тянулся деревянный стол с золотыми подсвечниками, правда, теперь их стало восемь, хотя уже десять лет всегда было на один меньше.

Как и представлял Шон, его отец надел темно-зеленый жюстокор, темную шелковую рубашку, коричневые ренгравы, которые видел сегодня не впервые, и каблуки с заостренным носом. Адам не двинулся с места при виде сына, лишь потрогал золотые перстни на руках.

— Добрый день, Ваше Величество! — поприветствовал Шон родителя, когда Джозеф затворил за ним дверь.

— Здравствуй, сын мой! — его лицо не выражало никаких эмоций, — Как прошла поездка к Виктору?

— Более, чем прекрасно! Мне, наконец, лично предста-

вили Дениелс... и герцогиню Жан-Ришарскую.

— Вот как?! Хороша?

— Да, отец, даже очень... но не думаю, что настолько, чтобы стать моей королевой, — слышался раздраженный тяжелый вздох нынешнего правителя.

— Поговорим об этом за ужином. А пока иди в свои покои, тебе не мешает отдохнуть. Этан уже ждет тебя.

— Да, Ваше Сиятельство! — принц поклонился и почти выбежал из зала.

До спальни на втором этаже он добирался точно в бреду, поэтому удивился, когда столкнулся с юношей у двери.

— Этан? — непонимающе проговорил хозяин замка.

— Шон, — тот ярко улыбнулся и позволил себе обнять принца, — Я думал, что ты придешь раньше. Вещи разложены и, по моей просьбе, уже доставили вино и фрукты. Думаю, тебе нужно отдохнуть, не буду мешать.

— Постой! Пройдем со мной, — указал Вальфре на спальню, — Мне надо с тобой поговорить.

— Конечно.

— Мне опять нужна твоя помощь, — начал юноша, как только они присели за стол, стоящий у окна, — Я хотел бы отлучиться в город. И, как ты понимаешь, не в роли наследного принца.

— Когда и на сколько? А еще, что тебе надо делать в это время?

— Завтра, после обеда; на пару часов; я скажу, что хочу

отдохнуть и чтобы меня не беспокоили.

— Хорошо, мне не впервой.

— Спасибо, Этан, чтобы я без тебя делал?!

— Точно не сбегал бы из дворца, — отшутился паж, а после решил все-таки покинуть принца, чтобы тот подготовился к ужину.

Вечером слуги накрыли стол. Он, казалось, мог прогнаться под тяжестью блюд и напитков: легче назвать то, чего здесь не было. Королева, на удивление сына, не надела украшений, кроме кольца, и ее платье выглядело довольно просто по сравнению с тем, какой она всегда представляла перед всеми. Они долгое время сидели молча, что было совершенно привычно, но, почти в конце трапезы, Маэлис нарушила тишину:

— Шон, милый, как поживает Виктор?

— Прелестно, мама, — коротко отозвался он.

— Вы познакомились с Дениелс?

— Да, мама, и не только с ней. В Танкарвиле гостила дочь герцога Жан-Ришарского, Вероника-Каролина-Кристина Вилкис де Сен-Жан Ришар.

— Ее отец — очень уважаемый господин. Я полагаю, поведение его дочери полностью соответствует ее статусу.

— Да, мама, вы правы.

— Расскажи нам о ней.

— Родилась шестнадцать лет назад в Бланди-ле-Тур, несколько лет путешествовала, знает четыре языка, играет

на трех инструментах, поет, высоко образована, невероятно элегантна и сдержана, мастер этикета.

— Кажется, Вероника вполне могла бы стать твоей женой?

— Не думаю, мама.

— Почему? — грозно спросил Адам, — Ты ведь помнишь, что я дал тебе всего год?

— Да, отец.

— Тогда эта девушка — самый прекрасный вариант.

— У меня еще год, не так ли?! Тем более, я не могу сказать, что она понравилась мне.

— Понравилась—не понравилась, — начинал сердиться король, — Хочу—не хочу, женюсь—не женюсь! Это твой долг, Шон, и именно сейчас ты думаешь о чувствах?

— Да, отец, — обреченно сказал Кевин, опустив глаза в пол, мысленно все равно не соглашаясь с родителем, — Она прибудет до моей коронации, и вы сможете познакомиться лично.

— Так-то лучше. Все, теперь ступай.

— Покойной ночи, — тихо сказал принц, желая поскорее уйти и забыть про этот разговор.

Шон лежал в своей постели и размышлял над словами Адама: а нужно ли ему это? Хочет ли он снова встретиться с Каролиной? И не заставит ли отец жениться его насильно? Позже мысли Кевина коснулись и его коронации, и будущего правления, Летнего бала и остановились на Этане, который обещал завтра помочь ему сбежать из дворца. А потом, как и

абсолютно каждую ночь, Вальфре заснул с пониманием, что не желает быть королем...

На следующий день принц находился в нетерпении: он с самого утра куда-то спешил, делал все предельно быстро, как будто опаздывал на важную встречу, и коротко отвечал на любые вопросы. Шон уже предвкушал то ощущение свободы, которое сопровождало каждую его такую вылазку: никто не ждет от тебя "правильных" решений, не обязывает делать что-то "подобающее" принцу, носить тяжелые сверкающие одежды и отдавать такие "важные", но абсолютно ненужные приказы. Каждый раз он просто покупал несколько яблок и ходил по "простолюдинскому" Парижу, размышляя о всевозможных вещах. Правда, чаще, конечно, у него появлялось желание сбежать подальше от дворца, светской суеты и чуждой золотой клетки.

И в этот раз, когда Вальфре удалось покинуть родной дом, он мысленно балансировал на тонком канате над невидимой пропастью, пытаясь склонить самого себя в сторону чего-то одного: сердца или же разума.

Вечная проблема человеческого счастья: что вернее? Путь, по которому тебе велят идти чувства, эмоции и желания, или же путь, прокладываемый правилами и обязательствами? А еще тяжелее сделать выбор, когда от него будет зависеть не только твоя судьба, а, например, будущее всего королевства и царской династии. Так же и сердце юного принца рвалось на две половины, которые просто не могут

существовать в нем одновременно. Казалось бы, законный наследник престола должен получать все, что пожелает; но, как это обычно бывает, почти безграничная власть не гарантирует простой радости, искренности и покоя.

Вот и сейчас, принц шел по узким улочкам Франции, а его мысли были где-то далеко; перед глазами проносились разного рода картинки, словно галлюцинации. Сначала он вспоминал свое детство: как с утра до вечера с самых ранних лет изучал огромное количество предметов, начиная от языков и заканчивая фехтованием, и думал, как беззаботно мог бы его провести, если бы родился и вырос в крестьянской семье. Потом Шон вспомнил первую встречу с Этаном. Этот мальчик был совершенно не похож на того юношу, который прямо сейчас спасал шкуру будущего короля.

Это произошло в один из тех прекрасных дней, какие описывают в сказках про древние замки, рыцарей и принцесс, которые просто обязаны быть у всех господ. Его просто привели в королевские покои, усадив прямо на колени перед Шоном и сказав, что теперь этот мальчишка — его раб, а с рабами можно делать все, что душе угодно. На вопрос про имя Вальфре ответили: "Называйте как пожелаете, Ваше Высочество". У него до сих пор холодеет шея и пробегают мурашки, когда он вспоминает это.

— Здравствуй, — сказал принц, как только они остались наедине, — Как твое имя?

— Э-Этан, — заикающимся голосом проговорил пяти-

летний мальчик, шмыгая носом от бесконечного количества слез, льющихся без остановки.

— А полностью?

— Этан Жаккар-Кюри, Ваше Величество.

— Посмотри на меня, — шестилетний Шон приподнял лицо своего пажа, заставляя заглянуть в глаза, — Не бойся.

— Мне не велели, Ваше Величество.

— С этого дня — просто Шон. Больше тебе ничего не угрожает, теперь я всегда буду защищать тебя, Этан. Будешь моим другом?

— Конечно! — воскликнул уже радостный мальчик, чувствуя первые ноты безопасности, отчего его глаза светились неподкупной благодарностью.

Это воспоминание было лучшим по мнению Кевина, ведь с того дня у него появился близкий человек, который всегда придет на помощь, и друг, похожий больше на младшего брата, которого у Шона никогда не было. Только Этану он мог доверить все на свете, не беспокоясь о том, что это может кто-то узнать.

Именно мысли о нем каждый раз останавливали Вальфре от желания убежать от ответственности, роскоши и трона. Поэтому и сейчас он развернулся и направился обратно в замок, в обитель золота, формальности и несбывшихся надежд, чтобы снова надеть дорогие ткани, перстни и натянуто улыбаться при малейшем упоминании Летнего бала Господ. Хотя в этот раз, осознавая это, он оставался спокоен, будто

знал, что совсем скоро хоть одно его желание сбудется, открыв новую главу жизни. Осталось только понять, когда будет это новое начало...

Глава 5:

Очень многое может выпасть на долю молодой девушки: потеря близкого человека, родного дома, крах надежд, неизвестное будущее, тяжелые физические и моральные работы, страх смерти; обычно, что-то подобное можно пережить, приложив немалые усилия, но что же делать, если все это одновременно наваливается, словно снежный ком, и растет, "налепляя" на себя еще и ухудшение здоровья в самый неподходящий момент, нервный ужас, доводящий до легкой трясучки, и так не вовремя появившееся желание повернуть назад?

Первые действия и впечатления возникли у подруг крайне не одинаковые: Дастэна оглядывала команду широко раскрытыми глазами, неясно, из-за страха или восхищения; Элизабет украдкой посматривала на капитана и не могла понять, чем же этот человек ее так заинтересовал, а потом и оцепенела от осознания того, что это первый мужчина, вызвавший в ней стыдливость и дискомфорт; Мари восторгалась видом, но при этом, как будто потерялась из-за непривычной качки под ногами и большого количества матросов; Луиза разглядывала палубу и испытывала огорчение от того, что не может просто прикоснуться поглаживающими движениями к этим деревянным бортам и мачтам, потому как это показалось бы невероятно странным для человека, пла-

вающего на судне, по меньшей мере, уже семь дней; Джуанна стала очень скована, и в ее сердце поселилась тревога, резкая неуверенность в том, что у них все получится.

В первую ночь на "Святой Жозефине" девушки вели себя предельно аккуратно: разговаривали настолько тихо, что иногда приходилось переспрашивать несмотря на то, что их лица находились в десятке сантиметров друг от друга, а передвигались они вообще бесшумно.

— Так, ну, пока все хорошо... даже лучше, чем я предполагала, — начала Джонсон.

— Подожди, это всего лишь первая ночь, что будет завтра!

— Луиза, а ты как всегда оптимистично настроена, — не в укор подруге сказала Анита.

— Но это же правда. Завтра нас заставят работать, и я не думаю, что мы полностью готовы к этому.

— Значит, нам надо незаметно помогать друг другу, — подметила Мари, — А еще я предлагаю дежурить по ночам поочередно, на случай чего-нибудь непредвиденного.

— Звучит разумно. Тогда я — первая, — вымолвила Дастэна.

— Хорошо. Я — вторая, Джу, ты — третья, Лизи — четвертая, Ви — пятая. Все согласны?

— Да, — почти хором отозвались девушки.

Следующий день, как и предрекала Фурнье, не принес ничего легкого и приятного. Они даже чуть не попались: один из квартирмейстеров около полудня заметил у Джуанны во-

лос, торчащий из-под платка, и уже было хотел снять его, как Мари специально опрокинула позади него ведро с водой, отвлекая на себя внимание, чтобы Анита в это время могла поправить головной убор. Единственное, что он сказал, — чтобы Гальярдо-Руа убралась в трюме, а Вилон заставил заново драить до кровавых мозолей палубу. Элизабет весь день ходила с Луизой и, по большей части, они перетаскивали порох, куда говорил боцман, и помогали закреплять паруса, а Дастэна как-то подозрительно крутилась у каюты капитана, за что ночью чуть не поссорилась с Бет, потому как та считала это слишком неестественным и опасным и решила, что будет теперь с Филлипс. И следующие несколько дней они практически не разговаривали, вдвоем посматривая на дверь, за которой укрылся Смит.

Каждый день, как отдельный ад: девушки стесывали свои ладони от того, что им приходилось драить все вокруг старыми, жесткими, уже пожелтевшими тряпками; все конечности болели от тяжестей, которые они носили целыми днями, и досок, на которых спали; их тошнило от постоянной качки и странной похлебки, которую подавали ежедневно на завтрак, обед и ужин. И самое невыносимое, то, от чего они буквально скрежетали зубами, — нежелание выслушивать приказы от старых, вечно пьяных и всегда воняющих рыбой командиров. Они даже попали в небольшой шторм на второй день и, спрятавшись в трюме, потому как не знали, что делать, призывали все, что могло опрокинуться или ходило ходуном.

Но все же это было не так уж и плохо по сравнению с тем, чего они боялись и ждали, словно в горячке.

На удивление подруг, остальные дни прошли почти без происшествий, как будто вся Вселенная хотела, чтобы они добрались до Онфлер. Однако это самое "почти" чуть не отправило их назад или, чего хуже, в темницу. Когда корабль прибыл во французский порт, капитан лично вышел отдать указания своей команде и проконтролировать выгрузку товара. Уильям Смит построил всех на верхней палубе, а после следил за тем, как матросы по очереди спускались по трапу. Девушки поняли, что следование друг за другом может сыграть с ними плохую шутку, ведь капитан стоял слишком близко; главное — попасть в первую сотню, иначе придется задержаться здесь намного дольше.

Первой буквально проскочила Джуанна; остальные выдохнули, чувствуя легкое облегчение. Мари и Луиза стояли довольно близко и покрывались мурашками под пристальным взглядом самого сурового капитана семи морей, но все же у них получилось покинуть "Святую Жозефину". Когда Дастэна подошла к трапу, то мимолетно взглянула на капитана, тогда он резко схватил ее за предплечье и отвел в сторону. Джонсон стояла уже близко, поэтому слышала их разговор:

— Как твое имя, матрос? — требовательно говорил Смит, почти прикрикивая, потому что ответа так и не было, — Немедленно!

— Джек, — тихо отозвалась та, пытаясь сделать тембр голоса намного ниже ее собственного, высокого и звонкого.

— Или лучше, например, Дженна?! Как ты попала сюда и сколько вас здесь?! — кричал капитан.

— Я... я... нет, я всего лишь...

В этот момент Элизабет поравнялась с ними и не могла отвести взгляд с Тэни, которая обливалась слезами, и Блэка, злобно смотрящего на нее.

— Чего встал? Пшел прочь! — выкрикнул Уильям и отвернулся, чтобы позвать лейтенанта.

В тот самый миг, когда Филлипс освободилась из его крепкой хватки, Джонсон схватила ее руку и побежала вниз по доске, опустевшей к этому времени. Перепуганные матросы не знали, что им делать и как реагировать на то, что с их корабля сбегают две девушки (а поняли они это, потому что с голов беглянок слетели банданы).

— Поймать их! — провозгласил грозный голос.

— Джу, Лиз, Ви, бегите! — крикнула Бет, и с разных концов портовой набережной три подруги устремились в город, стараясь не потерять друг друга из виду. Вдруг Джонсон перестала чувствовать в своей руке руку Дастэны:

— Тэни! Ты с ума сошла?! Нам надо бежать! — она пыталась схватить подругу, но та легко уваливала.

— Нет! Я не могу! — как будто самой себе говорила Филлипс.

— Быстрее! Они же сейчас догонят нас! — высматривала

младшая матросов, потерявшихся из виду, пока они не появились за спиной подруги, — Что ты делаешь? — ужаснулась Элизабет, когда Дастэна стала отходить назад, туда, откуда на них неся капитан Смит.

— Капитан! Одна здесь!

— Т-Тэни?!

— Прочь! — сверкнула темными глазами старшая.

— Я не могу бросить тебя!

— Он мой! Исчезни! Пока я сама не притащила тебя к нему! — Элизабет отвернулась от девушки, скрывая слезы, что катились по щекам, и побежала к Джуанне, Луизе и Мари, которые наблюдали за этой сценой с холма.

Бетхватило времени, чтобы добраться до остальных, пока Дастэна уже находилась в руках Смита. За ними продолжали гнаться, поэтому Джонсон в последний раз взглянула на Тэни и капитана, заметив на его губах ухмылку, адресованную именно ей, и девушки пустились со всех ног к повозкам, стоящим недалеко. Они быстро кинули маленький мешочек с монетами на стол юноши, понимая, что там раза в два больше, чем нужно, и Луиза, ловко запрыгнув на козлы, погнала лошадей вперед, пока Джу, Ви и Бет еле удерживались от сильной трясучки, создаваемой кочками, и быстротой езды из-за минимального количества времени на спасение.

— Все, Лиз, хватит! Сбавь скорость, они нас уже не догонят! — через десяток минут сказала Анита, а после обратилась к Элизабет:

— Что у вас там произошло?

— Я не знаю, это случилось так быстро, что я не успела даже понять, что надо делать.

— Она тебе что-нибудь сказала? — спросила Мари, не осмелившись назвать имя подруги.

— Да, Тэ... она кричала что-то про капитана и про то, что не может оставить его. Я не понимаю...

— Это все, что она сказала? — слишком удивленно прозвучали эти слова от Луизы.

— Вы думаете, я буду лгать?!

— Я не это имела в виду. Я просто удивилась этому.

Между девушками повисло отчужденное молчание: каждая думала о Филлипс и боялась что-либо говорить, поскольку боль могла вылиться криками на подруг. Не так они представляли себе первый день во Франции, где, как им думалось, должны осуществиться все их мечты. Нельзя сказать, что Джонсон было большее остальных, просто с Дастэной они познакомились раньше всех, и Бет прямо сейчас вспоминала, как это произошло.

Семь лет назад Элизабет пошла в "Мон-пасоль Третье". Это место с первых секунд не понравилось ей, поэтому она вела себя закрыто и безразлично, из-за чего никто не хотел с ней говорить. Так и прошел первый учебный год. В следующем к ним пришла Дастэна. Все говорили о том, что она богата, красива и осиротела, но больше, конечно, о ее богатстве. Пусть Филлипс и вела себя высокомерно и отстранен-

но, за что ее считали чересчур гордой и самовлюбленной, но только Джонсон знала, что после занятий она шла домой самым длинным путем и плакала... каждый день. И каждый день целых три месяца, когда Элизабет возвращалась к семье, она видела впереди идущую Дастэну. В какой-то момент ей стало жаль девушку, и Бет подошла к ней. На удивление, та не оттолкнула и не сбежала, а лишь тихо плакала на девичьем плече, обнажая душу и рассказывая обо всех тревогах. С того самого дня девушки ходили вместе и начинали открываться друг другу. Правда, Элизабет иногда считала Дастэну слишком "липкой", а Дастэна Элизабет — слишком "холодной", но, тем не менее, они так и оставались хорошими подругами, а после еще и познакомились с Джуанной, Луизой и Мари.

Забывшись в своих воспоминаниях, она не сразу заметила, что ее звали:

— Бет, все в порядке?

— Да, Мари, все хорошо. Что-то случилось?

— Прижмитесь к левому краю, чтобы повозка не соскочила, — сказала Луиза и показала взглядом на пятнадцатиметровый спуск под ними, ведущий прямо в реку.

— Мне кажется, нам лучше выйти: здесь слишком узко для целой повозки, — вслух подумала Анита, — Ой!

— Тихо! Не двигайтесь! — вскрикнула Фурнье, когда одно колесо стало скатываться по склону, — Сейчас я вывезу нас.

— Боже... — прошептала Мари, увидев этот каменистый обрыв почти под собой. Их повозка стала накреняться в сторону, и послышались боязливо-тревожные вскрики девушек. Луиза повернула лошадь прямо к реке и пустила вниз. Бет, Джу и Ви не могли удержаться, поэтому их тела перекашивались, сталкиваясь, в телеге, пока та, в конечном итоге, не упала с брызгами в воду, потеряв задние колеса и почти все сено, которым было устлано дно повозки.

— Луиза! — в смятении звали ее подруги, зная, что она не умеет плавать, — Лиз, ты где?

Девушка, еле державшаяся на поверхности воды, в это время пыталась отстегнуть упряжку лошади, которая громко ржала, чтобы животное не утянула река вслед за собственным течением. Это было совсем не просто, ведь конь барахтался, и легкие волны отталкивали Фурнье, заставляя на мгновение окунаться с головой. Когда она хотела снова попробовать что-либо сделать, сзади ее уже удерживали подруги, утягивая к берегу.

— Нет! Я должна ее спасти! Отпустите меня!

— Луиза! Не делай этого! — кричала Элизабет.

— Ты ей не поможешь! — уверяла ее Джуанна.

— Отпустите! Я должна! Вы не понимаете! — уже в слезах молила девушка, все еще слыша лошадь и видя, как она старается всплыть.

— Сейчас. Джу! — кивнула ей Мари, и они поплыли к животному. Вдвоем им удалось спасти ее, хотя, вероятно, она

вдоволь наглоталась речной воды, а после девушки поплыли к берегу, на котором их уже ждали Луиза и Элизабет.

— Спасибо, — воскликнула младшая и, подскочив, обняла подруг, роняя на их плечи слезы благодарности.

Из-за потери средства передвижения четверем девушкам пришлось дальше добираться пешком. Впереди были еще сутки пути до самого Парижа, которые показались сущим адом для них, таких уставших, голодных и в мокрых одеждах под прохладным ветерком. Ночевать вообще пришлось на какой-то поляне возле редкого леса, а утром Фурнье еле стояла на ногах. Но все же им удалось к вечеру добраться до города мечты.

Джуанна договорилась с какой-то старушкой, что они проживут в стареньком домике, состоящем из всего двух комнат, на окраине Парижа. Это было не самое лучшее место для жилья, но дешевое и с крышей, защищавшей от дождя. Итогом дня послужила болезнь Луизы, которая теперь просто лежала и не могла вымолвить ни слова, находясь в бреду и горячке.

Пусть и не так, как они себе представляли, пусть пережив страдания, боль и усталость, промерзнув и голодая, но все же Джуанна-Анита, Элизабет, Мари и Луиза обрели свое долгожданное новое начало в самом центре Французской империи...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.